

# ДРЕВНЕ- АНГЛИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ



ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ  
**О. А. СМИРНИЦКАЯ,  
В. Г. ТИХОМИРОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
Москва 1982

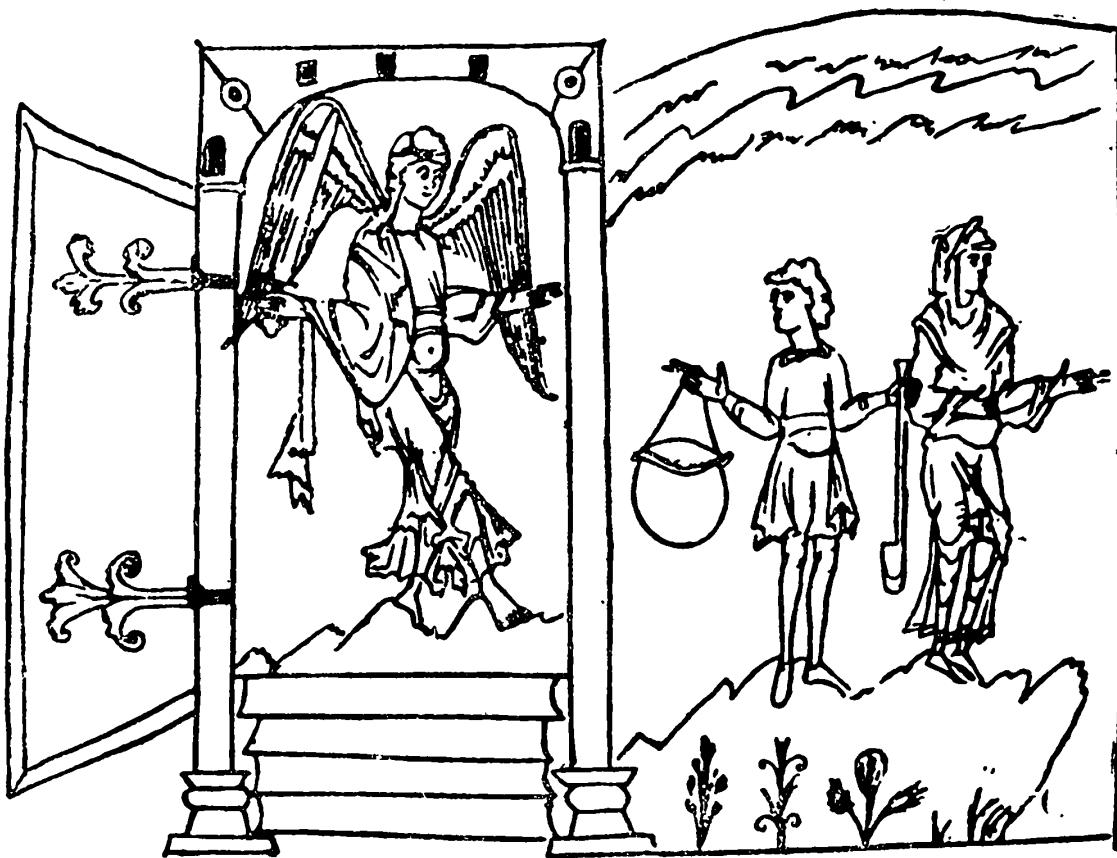
На травяной равнине  
зеленеет всеславная  
роща, преукрашенная  
мощью святейшей,  
<sup>80</sup> лес великий,  
светлейший и благолепно  
цветущий непрестанно;  
святым дыханием  
овеяно благословенное,  
от века нерушимое  
и до конца, это царство,  
покуда творцом не будет  
разрушено древнее,  
с сотворенное им в начале.



## ГРЕХОПАДЕНИЕ

«... и от прочего вкушайте,  
но прочь от этого дерева,  
поганых плодов бегите;  
другие радости не иссякнут!»  
Перед господом горним  
головы они склонили,  
создателю благодарствуя,  
государю, за мудрость,  
<sup>5</sup> слово его восславили:  
он сказал им по земле селиться;  
и к себе в обитель  
небесный вернулся  
твердый владыка;  
твари его остались

сам-друг в стране земной,  
и не знали они печали,  
и какие, не ведали, скорби  
их ждут, коль скоро  
<sup>10</sup> обету верны не будут, —  
любил их господь,  
покуда святыму слову  
послушно внимали.  
Государь-всевладетель  
десять ангельских родов  
учинил на небе  
мановением десницы,  
святой властитель,  
и к престолу своему приблизил,  
<sup>15</sup> уповая на верность,  
на их приверженность  
воле вышней,  
ибо он даровал им разум,  
своими дланями плоть их вылепил  
он, господь всевластный,  
и решил им дать благодать такую,  
и единому из них дал такую силу,  
столь великим облек его разумением,  
перед лицом своим столь высокой властью,  
<sup>20</sup> что вторым он стал престолом на небе,  
столь блестательный облик  
получил он от начальника воинств,  
столь лучистое получил обличье,  
что звездам светлейшим подобился,  
и когда бы воздал он богу  
благодарностью, как должно, за благо,  
и когда бы он славил бога  
за все блаженства жизни,  
тогда бы служил он дольше, --



Рукописная миниатюра «Изгнание Адама и Евы из рая», «Codex Junius»

25 он же к наихудшему повернулся,  
он войну затял и смуту  
противу небесного владыки,  
восседающего на святом престоле.  
Был он богу любимец —  
не мог небесный не видеть,  
как он, возгордившись,  
дерзкий ангел,  
речами бесчинными  
ополчился на господина,  
30 мол, не слуга он господу,  
и как он лгал, спесивец,

плотью своей кичился  
лучистой и осиянной,  
белой и светлой,  
не разумея сердцем,  
что нелживо он должен  
служить владыке,  
своему государю;  
ему же думалось,  
<sup>35</sup> что мощью может он  
помериться с богом,  
собрать не меньшую  
рать, чем господня  
славная дружина;  
так он суесловил,  
духом възгордившийся,  
думал, что сам он  
выше поставит  
престол на небе,  
<sup>40</sup> крепче упрочит;  
что не прочь он и север,  
сказал, и запад  
взять и воздвигнуть  
себе обитель;  
и будет ли он, не знает,  
согласен прислуживать  
всевластному господу:  
«Зачем труждаться? — сказал, —  
коль нет нужды мне  
<sup>45</sup> ходить под господином;  
и один я не меньшие  
сам чудеса содею,  
и силы у меня достанет  
выше поставить  
престол на небе,

краше украсить;  
    что мне выпрашивать,  
    что вымаливать милостыню, —  
        мошью, как бог, я буду;  
50  соберутся мои соратники,  
        избравшие меня верховным,  
    все мужи нестрашимые,  
        и мы совершим в сраженье  
    дело, какое задумаем, —  
        вот добрая моя дружина,  
    сердца мне верные,  
        я и в царстве небесном  
    начальствовать могу над ними;  
        то бесчестьем я почитаю,  
55  55 что ради толики блага  
        я раболепен должен  
    быть перед этим богом, —  
        не буду ему послужником!»  
Когда же убедился  
    всевладыка в измене,  
    в том, что слуга его,  
        через меру гордый,  
    речами бесчинными  
        ополчился на господина,  
60  60 на хозяина, неразумный ангел,  
        наказания ослушник не избегнул,  
    была ему за смуту  
        мука великая —  
    ждет кара такая  
        каждого смертного,  
    кто спорить вздумает,  
        ссориться с государем,  
    лгать на всеславного господа;  
        тогда могущий разгневался

65 и низверг небодержец вышний  
отверженца с высокого престола, —  
опротивел он господину,  
стал он добруму ненавистен, —  
возмущился властитель духом:  
был нечестивый ангел  
обречен пучине мучений,  
ибо ополчился на владыку;  
разлюбил его отец небесный,  
в бездны адские бросил,  
70 в темные пропасти,  
где стали диаволами  
враг и рать его:  
во мрачное место,  
в преисподнюю  
падали ангелы  
три дня и три ночи,  
и там в диаволов  
обратил их властитель,  
ибо чтить не хотели  
75 ни дел его, ни заветов,  
и за это в предел бессветный,  
в край подземельный,  
он, карающий бог,  
поместил их,  
в темное пекло:  
там с вечера мученья  
вечно делятся,  
негаснущий огонь  
врагов опаляет,  
80 там на рассвете  
ветер восточный,  
стужа лютая,  
хлад и пламень,

там же им должно  
тяжело труждаться —  
такая им кара;  
на века изменилось  
их обитанье, и так впервые  
теми богопротивниками  
<sup>85</sup> пекло наполнилось.  
С тех пор господни ангелы  
в Царстве отца небесного,  
сердца нелживые, поселились,  
верные воле его;  
с тех пор отверженцы обретаются  
злые в пламени,  
племя отступников,  
восставших на властителя,  
и терпят муки,  
<sup>90</sup> жар жестокий,  
в средоточье ада,  
пекло в преисподней,  
пар ядовитый,  
туман и темень,  
ибо не хотели  
послуживать всевластному богу;  
злом обернулось непослушанье  
тем ангелам дерзким,  
не чтившим слова  
<sup>95</sup> заповеди господней, —  
в преисподней они казнимы,  
в ад пекучий,  
в буцило пламенное,  
в пекло они попали,  
преисполненные гордыни,  
получили они, злочинные,  
черную геенну,

страну иную,  
огнем напоенную,  
<sup>100</sup> лютым пламенем, —  
злые, они узнали,  
что часть несчастную себе избрали,  
чему причиной была гордыня,  
и ждут их муки несметные  
по воле премудрого владыки,  
господа всемогущего,  
но гордость всему виною.  
И вскричал он, гордый ратеначальник, —  
сначала он был светлейшим  
<sup>105</sup> среди белых ангелов небесных,  
любезный своему государю,  
и блистал он перед престолом,  
пока не стали они столь спесивы,  
что гневом господь исполнился  
на беспутного ангела  
и в сердцах его сбросил  
из царства горнего  
вниз, на ложе навье,  
ему же новое дал прозванье,  
<sup>110</sup> сказал: да наречется  
этот высочайший  
Сatanой отныне,  
и страною бессветной  
пусть правит,  
да не спорил бы с богом, —  
воскричал Сatan,  
сказал, кручинясь,  
обреченный отныне  
в огне обретаться,  
<sup>115</sup> пеклом править, —  
прежде был он пред богом

белый ангел небесный,  
покуда его злобесные  
помыслы не попутали,  
а пуще всего — гордыня,  
и не стал почитать он  
святых заветов  
властителя всех престолов, —  
и восстала в диавольском сердце  
<sup>120</sup> гордость, в его утробе,  
а кругом огонь изрыгала  
пучина мучений,  
и вскричал он такое слово:  
«Это тесное место  
с тем не схоже,  
эта бездна с небесным краем,  
что был нам известен прежде,  
ибо в царстве горнем  
от творца мне досталась вотчина,  
<sup>125</sup> но по вине всевладыки ныне  
в той стране мы не можем  
владеть наделом нашим:  
это дело несправедливо  
судил господь,  
в преисподнюю нас повергнув,  
в бездну огненную,  
отлучив от небесного царства;  
он же ныне замыслил  
людьми пополнить  
<sup>130</sup> край горний —  
вот худшее горе:  
там он будет,  
Адам землерожденный,  
сидеть он станет  
на моем престоле крепком,

будут радости ему,  
нам же муки вечные,  
казни неиссякаемые.

Кабы силу рукам былую,  
<sup>135</sup> кабы на малый срок  
я смог бы вырваться,  
на краткий зимний час,  
уж я бы с моим ополченьем...

.....

но опутали меня  
пути железные,  
оковали оковы,  
и покинула сила,  
я цепями тяжкими  
связан накрепко,

<sup>140</sup> адскими веригами;  
великое пламя  
поверху здесь и понизу,  
и я не упомню подобного  
гиблого места:

огонь не гаснет  
в пекле пекучем,  
цепями кольчатыми

я окован прочно,  
и ни прочь не уйти,

<sup>145</sup> ни шевельнуться, —  
ноги мои опутаны,  
руки мои скручены,  
и нет мне из бучила,  
из адских врат исхода;  
и рад я был бы вырваться,  
да держат меня оковы,  
кольца несокрушимые,

узы железные,  
закаленные пламенем,  
150 вериги тяжкие,  
иго на шее, —  
таково мне наказанье господне,  
ибо помыслы мои он вызнал,  
и он понял тогда,  
господь престолов,  
что была бы война жестокая  
там с Адамом  
за обладанье горним пределом,  
когда бы владел я прежней силой;  
155 здесь же мы терпим  
темень и пламя  
в нещадной бездне,  
ибо владетель небесный  
смел нас во тьму кромешную,  
хотя не может нам в вину поставить,  
что мы на земле бесчинствовали,  
он же нас отлучил от света,  
поместил нас в темень адскую,  
а мы отомстить не можем,  
160 невластны мы злом ответить  
тому, кто сослал нас в бездну.  
Ныне он сделал мир срединный,  
и там, господин, человека создал  
по своему подобью,  
ибо задумал пополнить  
чистыми душами лучистое небо,  
а нам же изловчиться, придумать надо,  
как Адаму воздать,  
а там и его потомству,  
165 месть измыслить,  
а вместе, если возможно,

отвратить его от этой затеи,  
коли отыщем средство;  
не надеюсь, что мы овладеем светом,  
где сам он думает вечно  
с ангелами наслаждаться благом:  
нечего нам ждать от бога,  
дух владычный не умягчится, —  
уж лучше мы отлучим человеков  
<sup>170</sup> от неба, коль скоро оно не наше,  
мы их понудим отречься  
от воли, богом завещанной,  
и тогда их господь отвергнет,  
отлучит их от своего попеченья,  
и тогда в пучине геенской  
злосчастье они изведают,  
и тогда в нашей власти будут  
дети человечьи в этих вечных оковах.  
Набег намеченный теперь обсудите;  
<sup>175</sup> пора, соратники, —  
прежде я даривал  
от щедрот моих сокровища,  
когда мы радовались,  
там владея престолом,  
в местах блаженных, —  
пора, соратники,  
время настало  
государю, как должно,  
воздать за прежнее,  
<sup>180</sup> сослужить мне служение:  
пусть единый из вас решится  
ввысь, на волю  
вырваться из преисподней,  
прочь из этих узилищ,  
лишь бы силищи ему хватило,

опирайсь на крылья,  
воспаряя высоко,  
тех облаков достичь,  
где обретаются новосозданные  
185 Адам и Ева,  
там, на земле,  
благами преизобильной, —  
мы же в глубокое пекло,  
вниз были изгнаны! —  
ныне избраны люди  
господом всемогущим,  
и богатствами овладели,  
той высочайшей частью,  
что по чести должна быть нашей,  
190 краем, что наш по праву,  
но род человеческий  
получил это счастье —  
вот я о чем печалюсь,  
горько сердцу,  
что горним царством  
человеки навек владеют:  
но коль хватит у нас лукавства,  
мы измыслим способ,  
чтобы господне слово,  
195 завет они преступили, —  
тогда ненавистнейшими станут,  
зарок его нарушив,  
ибо он грозен в гневе,  
он положит предел их благоденствию  
и воздаст изменникам по заслугам,  
ждут их тяжкие муки.  
Вот, обдумайте,  
как бы их совратить,  
ибо тогда не в тягость

200 будут мне в бездне цепи,  
      коль царства небесного лишатся люди.  
Кто же в подвиге преуспеет,  
      обеспечит себя наградой,  
он получит навечно  
      лучшую долю блага,  
какое будет нами добыто  
      в этом бучиле огненном,  
сидеть он станет вблизи престола,  
       тот, кто доставит в пекло  
205 весть о человеках,  
      завет преступивших,  
о том, что люди бесславно  
      словом и делом  
вышли из воли господней  
      и ему ненавистны стали».

.....

Тут изгото́вился,  
      обря́дился бо́гопроти́вник  
ръя́ный в до́спехи бранчые, —  
      был он сердцем неправеден, —  
210 шлем-невидимку на́дел  
      и дивными пряжками  
накрепко пристегну́л, —  
      знал он множе́ство  
слов лука́вых, —  
      в облаках воспарил он,  
враг могучий,  
      из адских врат,  
взмы́л он в выси,  
      герой злому́слый,  
215 пламя рассекая,  
      посланник преисподней,

с пагубным помыслом  
о господних созданьях:  
людей он надеялся  
злодейской хитростью,  
хотел сорвать их,  
чтобы господу опротивели;  
так возносился он, несомый  
силой диавольской,  
<sup>220</sup> покуда Адама  
там, на земле,  
враг не увидел,  
тварь божию,  
мужа, премудро сотворенного,  
а вместе и его супругу,  
жену благую,  
этих двух, богатых  
дивной благодатью,  
что детям своим  
<sup>225</sup> дал государь небесный —  
дар добродеяния.  
Тут же высились  
два древа,  
и были они  
весьма изобильны,  
плодами богаты,  
как всемогущий бог  
там возрастил их,  
небовластитель вышний,  
<sup>230</sup> ради людского рода,  
дабы сами избрали  
 зло или благо  
люди по своему желанью,  
счастье или печаль;  
различались плоды:

были весьма приятны,  
смачны и достохвальны,  
свежи, хороши на вкус  
те, что издревле жизни, —

<sup>235</sup> мог бы не ведать смерти  
человек в этом мире,  
и пребывал бы вечно,  
этого плода отведав,  
и стал бы он недоступен  
старости пагубной,  
ни болезням телесным

по милости всевластного  
и долго владел бы  
доброй долей,

<sup>240</sup> жил бы в счастье  
на земле беспечальной,  
а потом ему было бы  
уготовано место  
на небесах высоких,  
когда вознесется;

древо второе  
мрачно произрастало,  
черно и смутно  
смертоносное древо,

<sup>245</sup> печально отягощенное,  
злосчастье роду земному  
несло оно, чтобы люди  
зла и добра изведали  
смену в этом мире,  
чтобы муку познали,  
чтобы в лишеньях жили,  
в трудах тяжелых,  
в страданиях несметных  
из-за дерева смерти, —

250 усталость и старость  
поставят предел человеку,  
счастью, трудам его и почету,  
ибо смертная часть ему уготована,  
и недолго ему наслаждаться жизнью,  
ибо ждет его край темнейший,  
где он в пламени послужит диаволам, —  
то великая будет пагуба  
человеку на вечное время.

Ведал о том посланец  
255 злобесной бездны,  
небесного враг владыки:  
на древо смерти  
змеем взошел он,  
кольчатым перекинувшись,  
злокозненный диавол,  
плод умыкнул, и снова  
туда вернулся,  
где, видал он, сидело  
созданье господне;

260 лукавый начал  
с таких слов,  
стал вопрошать он льстиво:  
«Чего ты хотел бы ныне,  
Адам, от небодержца?»  
Сюда я прибыл  
из дальней дали;  
совсем недавно  
сидел я с моим господином;  
снарядил он меня с приказом,  
265 чтобы ты от плода вкусиł:  
дух и сила, сказал он,  
мощь немалая твоя  
и мужество да преумножатся,

тело да станет  
статней и еще прекрасней,  
лик да просветлится  
и великими ты богатствами  
овладеешь в стране земной  
отныне по воле божьей,  
<sup>270</sup> коль скоро приказ исполнишь  
и снискать сумеешь  
хвалу его, и благоволение  
заслужишь у государя,  
и будешь ему еще любезней;  
я слышал в kraю небесном,  
как слово твое хвалил он,  
дела твои благословляя;  
слушай послов господних,  
слову его покорствуй:  
<sup>275</sup> шлет гонцов он из царства горного,  
ибо во всех концах вселенной  
просторны зеленые страны,  
свой же престол он устроил  
на самых высоких,  
на небесах превышних  
восседает всевладыка,  
и себя утруждать не хочет  
путями странствий  
по этим пространствам,  
<sup>280</sup> но шлет народодержец  
слуг верных  
от себя говорить с тобою;  
мне же богом повелено  
тебя обучить искусствам,  
да будешь искусен в них,  
да исполнишь господню волю:  
плод этот взявши,

сразу его отведай —  
твой разум в груди расширится,  
<sup>285</sup> лик просветлится;  
всевеликий тебе пожаловал  
этот дар владыка  
из пределов горных».

И сказал Адам,  
там, на земле, стоявший,  
молвил муж нерожденный:  
«Когда внимал я победному  
голосу господа,  
когда всемогущего слышал,  
<sup>290</sup> рек он мне грозно,  
чтобы его зароки  
соблюдал я в стране земной,  
и жену мне дал  
эту прекраснейшую в супруги,  
и велел остеречься  
древа пагубного,  
чтобы в помыслах не обмануться  
злым соблазном,  
ибо в пламени мрачном  
<sup>295</sup> тот обретаться будет,  
кто обратится сердцем  
к делу недоброму;  
сюда пришел ты  
то ли с умыслом тайным,  
то ли ты от всевластного  
с неба гонец.

Нет, не понять мне  
слов твоих и уловок,  
слаб я постигнуть  
<sup>300</sup> речей значение,  
но знаю, о чем мне

сказал спаситель  
сам напоследок:  
чтобы слово его я славил,  
чтобы следовал его заветам,  
соблюдал бы их, как должно.

Даже видом ты не подобен  
чистым ангелам,  
каких встречал я,  
<sup>305</sup> и знака не знаешь,  
знамения тайного,  
какое в залог мне  
бог послал бы,

государь мой всеподатель,  
и тебя я не должен слушать;  
прочь убирайся;  
непорочно я верую  
в господа всемогущего,

<sup>310</sup> в того, кто создал,  
своими дланями плоть мою вылепил;  
он же властен и вышнего царства  
ниспослать мне любые блага,  
слуг своих не посыпая на землю».

Враг разъярился;  
он направился прямо  
туда по стране земной,  
где жену заприметил прежде,  
Еву прекрасноликую;

<sup>315</sup> он сказал, что великие  
беды ее потомкам  
тут уготованы,  
в этой стране, отныне:  
«Ибо, я знаю, гневом

господь исполнится,  
коль вернусь я без пользы

из дальних пределов  
и должен буду  
весть ему поведать  
о том, что вы, двое,  
320 пока еще не покорны  
его приказу, с востока  
ныне посланному со мною:  
не иначе, как сам он  
к вам придет за ответом;  
волю его исполнить  
посол не в силах,  
и в сердце он, всемогучий,  
знаю, разгневается;  
однако, женщина,  
325 поверь, что, выслушав  
слова мои со вниманием,  
ты получишь  
совет наилучший, —  
сама помысли,  
ты можешь спасти сегодня  
vas обоих от божьей кары,  
как тебе укажу я:  
вот, от плода отведай,  
и разверзнутся очи,  
330 и до самых дальних пределов  
мирозданье тебе откроется,  
и престол небодержца  
разглядеть ты сможешь,  
и любима богом  
будешь отныне;  
и тогда ты Адамом  
владычить сможешь,  
коль скоро, тебе покорный,  
от тебя он приказу поверит,

335 коль скоро ему ты скажешь,  
какой закон ты познала,  
истину в сердце,  
с которой усердно  
волю вышнего исполняешь,  
и тогда он свое невежество,  
бунт нечестивый  
навсегда забудет,  
от непокорства откажется,  
коль скоро мы оба скажем,  
340 что о счастье его печемся:  
увещай же его усердно,  
чтобы слово твое он услышал,  
а не то повелителю станете  
вы ненавистны,  
вышнему государю;  
но если, лучшая из женщин,  
все получится, как мы замыслили,  
не передам я тогда владыке,  
как этот Адам сегодня  
345 речами бесчинными  
меня бесчестил,  
обличал меня начальником злобы,  
мол, я причина и вестник  
бездны бед,  
а не божий ангел;  
мне же ведомы вышние  
своды неба,  
и повадка известна  
ангельская, ибо от века  
350 всем сердцем  
я служил усердно  
господу благому,  
всемогущему бегу,

моему владыке;  
я не подобен диаволу».  
Так завлекал ее злоказненный,  
покуда лукавому слову,  
лжи его женщина не подпала,  
и в душе ее шевельнулась

355 мысль змея, —  
ибо меньшей силой духа  
наделил ее повелитель, —  
слабая, она внимала  
речам злочинным,  
и получила от проклятого  
с древа запретного,  
завет поправши,  
плод пагубный —  
площе этого не было

360 дела содеяно:  
дивно и непостижимо,  
как же он попустил,  
властитель вечный,  
как же стерпел господь,  
что подпали соблазну  
лживому столько мужей,  
жаждавших правды.

Вот, от плода отведала,  
вышла из воли господней,  
365 от заповеди отказалась, —  
и глаза ее вдруг прозрели:  
так подействовал  
дар злодейский,  
совратил ее богопротивник,  
обольстил ее мороком:  
показались ей светозарней  
земь и небо,

и окрестности еще прекрасней,  
и все творенье господне  
великолепным и многовеликим,  
хоть не слабым своим разуменьем  
она этот мир познала,  
но сном ее душу  
обольщал со тщанием  
враг, обещавший,  
что даст ей мирозданья  
далъ увидеть  
и царство небесное;  
и сказал злобесный,  
375 молвил злоумышленник  
нимало ей не во благо:  
«Убедись, погляди-ка,  
нет нужды говорить об этом,  
благословенная Ева,  
сколь необыкновенны,  
отличны от прежних стали  
красота и обличья;  
ты последовала моему совету —  
и свет для тебя отныне  
382 ярче сияет  
ясный, мной принесенный  
с небес от бога;  
благу ты причастилась;  
передай же Адаму,  
что добрую принес я  
глазам твоим зоркость, —  
образумится он и раскается,  
и, последовав моему совету,  
свет в преизбытке получит,  
385 будто плоть твою великолепным  
облек я покровом;

я прощаю его злословье,  
хоть и не по заслугам  
ему эта милость,  
глумившемуся надо мною,  
но так же его потомкам  
достанется благо:  
содеяв недобroe,  
они владыку умилостивят,  
<sup>390</sup> злом вину загладят  
и заслужат его благоволение».  
Поспешila она к Адаму,  
совершеннейшая из жен,  
прекраснейшая из женщин,  
что жить в этом мире будут,  
чудеснейшее созданье  
государя небесного,  
тайно совращенная  
увещаньем ложным,  
<sup>395</sup> обманутая лукавым —  
так злоказненный мыслил, —  
чтобы кара божья,  
казнь их постигла  
из-за коварства злобесного,  
чтобы небесного царства  
благодать навсегда утратили  
вместе с милостью всеподателя;  
часто будет печалиться  
злосчастный смертный,  
<sup>400</sup> что, слабый, сам он  
не сберег свою славу.  
Одно у нее в ладонях,  
одно в утробе  
яблоко лежало —  
бежать ей приказывал

государь государей  
от плодов смертельных,  
он их заповедал,  
вышний славоподатель,  
<sup>405</sup> дабы ужасной смерти  
несметное племя  
человеческое не ведало,  
но даровал бы каждому  
долю благую  
в горнем крае  
святой властитель,  
когда не прельстило бы  
людей это дерево  
плодами, напоенными  
<sup>410</sup> горечью погибельной,  
господом проклятыми, —  
это дерево смерти  
запретно было,  
но совратил он,  
богопротивник,  
враждая с небодержцем,  
душу Евы:  
умом слабомыслая,  
внимала она усердно  
<sup>415</sup> словам его и советам,  
и уверовала,  
будто от бога  
с небес принес он  
сладкоречивое  
свое поученье,  
и дал ей знамение,  
и добро и знание  
дать обязался;  
и сказала она хозяину:

420 «Адам, господин мой,  
сладимо это яблоко,  
отрадно для утробы,  
и прекрасен посланец,  
добрый ангел вседержца,  
и по одеждам видно,  
что есть он вестник  
вышнего владыки,  
господа горного, —  
его же благую милость

425 лучше заслужим ныне,  
чем неблагосклонность;  
слово злое,  
хулу нечестивую  
тебе он забудет,  
коль скоро будем  
ему послушны.

Зачем же тебе с посланцем  
спорить с господним? —

польза от него немалая:

430 от нас он носит  
на небо вести  
господу всемогущему;  
могу я взглядом  
достать до его престола —  
там, на юго-востоке  
он сидит, благодатный  
создатель мира;  
вижу и воинство ангельское —  
вот оно вьется,  
435 племя великое,  
на легких крыльях,  
рать многорадостная;  
откуда же разум,

коль не с небес,  
не от бога послан  
дар, от вседержа, —  
слух чудесный  
и взор столь зоркий,  
что земь я вижу и небо  
<sup>440</sup> до самых дальних пределов,  
и даже ангельское ликованье  
ныне мне приятно;  
озарена сияньем  
я вся и сердце,  
вкусив от яблока;  
погляди, господин мой,  
этот в моих ладонях  
принесла я тебе во благо  
плод, ибо верю,  
<sup>445</sup> нам он подарен небом,  
как этот гонец поведал  
сладкоречивый;  
отличается он от прочих,  
от иных, земных,  
ибо ныне, сказал мне вестник,  
он господом был послан  
из горного края».  
Так не раз ему повторяла  
и корила с утра до ночи,  
<sup>450</sup> к злодейскому делу  
побуждая, покуда оба  
господней воли не преступили;  
и стоял гонец преисподней,  
и распалял в них желанья,  
и ловко их морочил,  
по пятам их ступая,  
падший ангел,

хитрый, своей охотой  
в дерзкий поход пустившийся  
455 к дальним пределам,  
дабы людей обречь  
смерти, ибо замыслил  
несметный род человеческий  
извести, сорвав, —  
всевластителя благодаянье,  
дар владыки  
навсегда бы отринули,  
обладанье небесным царством.

Да, исчадию бездны  
460 известно было,  
что ненавистные богу  
не милость заслужат,  
но муки адские  
они познают,  
казнимы будут  
от заповеди отказавшиеся,  
наказания не избегнут,  
и завлекал он,  
лукавый диавол,  
465 лживыми послами  
женщину прекрасноликую,  
жену несравненную,  
и она за ним повторяла, —  
стала ему подспорьем  
тварь господня  
в преступлении...

.....

Долго Адаму  
она твердила,  
470 прекраснейшая супруга,  
покуда разумом не склонился

муж к тому же,  
внимая доверчиво  
обещаниям сладкоречивым,  
что получил он от женщины;  
тө благим она полагала,  
не ведая, что погибель  
навлечет она и злосчастье,  
и печали несметные  
<sup>475</sup> на все племена земные,  
жена, обманувшись,  
словам зловестника  
и советам его поверив,  
ибо думала, благодарность  
государя небесного  
заслужит, коль будет послушна;  
мужу славному  
такие знамения показывала  
и знанием завлекала,  
<sup>480</sup> что даже Адам,  
духом смутившись,  
пал в своих помыслах,  
подпал ее воле,  
перед ней склонился:  
от жены получил он  
Ад и Смерть,  
не имевшие еще названья,  
но от плода пойдут  
подобные имена:  
<sup>485</sup> дремота смертная,  
морок диавольский,  
пагуба, преисподня,  
упспение человеческое,  
мужей уничтоженье —  
все от плода ужасного,

вкушенного ими.

Вошел он в утробу,  
лег он на сердце, —  
возвеселился посланный  
<sup>490</sup> злоумышленник и со смехом  
за двоих своему господину  
воздал благодарностью:  
«Мой государь, отныне  
заручился я твоим попеченьем,  
поручене твое исполнив:  
на веки вечные  
человеки пали,  
Адам и Ева;  
гневом отныне  
<sup>495</sup> господь исполнится,  
ибо завет его преступили  
и от заповеди отказались, —  
не хозяева они больше  
в краю небесном,  
но в бездны ада  
по черной стезе повлачатся;  
не о чем тебе печалиться  
там, в цепях, в преисподней,  
полно, многомогучий,  
<sup>500</sup> душой сокрушаться  
о том, что они вкушают,  
люди, вечное благо,  
мы же лютое горе,  
мучения претерпеваем  
в пучине мрачной,  
о том, что, великий духом,  
увлек ты многих  
от дворцов драгоценных  
царства горного,

## *Древнеанглийская поэзия*

---

505 от залов несказанно высоких,  
за что наказал властитель  
нас, ибо на небе  
мы пред ним не склонили  
гордые головы,  
господу не покорялись,  
богу небесному, —  
не подобало нам,  
служа державному,  
перед ним унижаться;  
510 тогда же владыки  
дух неумолимый  
гневом воспламенился,  
и нас изгнал он,  
в огонь извергая  
наимогучее воинство;  
но много на небе  
он новых создал,  
поставил престолов,  
и достались владенья эти  
515 роду людскому.

Да возрадуется ныне  
в груди твоей сердце —  
мы победили дважды:  
на небесах высоких  
семя людское  
не пребудет, но в бездну  
к тебе направятся  
люди, в пламя;  
злая то будет новость,  
520 горе господу, —  
от него принимаем муку,  
но воздадутся Адаму  
все страдания наши

господним гневом,  
пагубой для земнородных,  
смертной мукой;  
потому-то воспрял я сердцем,  
духом я возводился,  
ибо воздать за скорби  
<sup>525</sup> мы сумели злой местью.

К месту геенскому,  
К Сатане вернусь я:  
там он, на дне, во мраке  
окован цепями кольчатыми».  
Вспять он пустился, взыскуя,  
злой посланец,  
к пламени необъятному  
стези обратной и врат преисподней,  
где начальник рати диавольской  
<sup>530</sup> там, в цепях, обретался.

Адам и Ева  
печалились, и звучали  
часто между ними  
укоры и скорбные речи;  
карь божией,  
лишений они страшились,  
решения небодержца,  
опалы господней;  
падшие уповали...

<sup>535</sup> как было обещано;  
скорбила женщина,  
душой сокрушилась,  
ибо она лишилась  
дара чародейного,  
когда увидала,  
как ускользает светозарный  
свет, что показал ей

знамение ложное, ибо знал он,  
что будут казненные, обманутые,

540 пытку терпеть

в преисподней огненной,

и не счастье их несчастий;

печаль неизбывную

в сердце они носили;

и просили, ниц павши,

бедные и скорбящие,

всепобедного звали,

славили благость

его, всевластного,

545 господа горного

в горьких своих молитвах

о наказанье молили,

ибо грозу его с радостью,

кару и казнь воспримут,

коль скоро перед господином

они провинились.

И узнали они, что наги,

что гола их плоть,

ибо платья и крова

550 на земле не имели,

и ни малой заботы не ведали,

и в нужде не труждались,

но владели бы беспредельным,

там обитая, достатком,

когда бы чтили бога

и заветы его.

Толковали неразлучные

супруги между собою —

грустно им было;

555 молвил Адам,

внимала Ева:

«Увы тебе, Ева,  
навеки ты погубила  
удел людей.

Разгляди-ка теперь геенну  
злую, голодную:  
слыши, как беснуется  
эта бездна.

Ведь небесное царство  
<sup>560</sup> не схоже с тем, наихудшим:  
здесь, наверху, могли бы  
мы по милости божьей  
владеть имением наилучшим,  
не слушай мы злого  
посла, по вине которого  
слово всевластного  
мы бесславно нарушили,  
преступили завет господний,  
и теперь трепещем в страхе,  
<sup>565</sup> поджиная своего государя,  
ведь недаром сказал он,  
чтобы мы сами,  
себя спасая,  
бежали бы от ужасной казни.

Ныне жажда и голод  
грудь мне ранят,  
а раньше не было  
подобных страданий,  
беды мы не знали;  
<sup>570</sup> как же нам быть обоим,  
как прозябать мы станем,  
коль скоро ветер накинется  
с заката или с восхода,  
с полночи или с полдня;  
или заполнят небо

градобойные тучи и в изобиље  
град с небес просыпят;  
или вдруг морозы ...  
мерзнут земнородные;  
<sup>575</sup> или в небесах высоких  
солнце станет,  
жар безжалостный, —  
как же нам жить нагими  
здесь, без одежды?  
и где же найдем укрытье,  
годное от непогоды? —  
и на сегодня не хватит  
запаса пищи,  
а господь всемогущий  
<sup>580</sup> на небе гневен, —  
и что же с нами станется?  
Но пуще всего жалею,  
что я молил всевластного,  
доброго небодержца  
сделать жену мне  
из бедра моего, супругу,  
ибо страшный гнев божий  
ты призвала на человека,  
и всегда, и вовеки  
<sup>585</sup> я печалиться буду,  
зачем я тебя увидел».  
И сказала супругу Ева,  
прекраснейшая из жен,  
совершеннейшая из женщин, —  
лжи диавольской  
она подпала,  
но господним была созданьем:  
«Муж мой, Адам,  
ты можешь по справедливости

590 проклинать меня ныне,  
но ты сильнее не можешь  
душой сокрушаться,  
чем я сокрушаюсь сердцем».

Тогда супруге

Адам ответил:

«Знать бы, к чему присудит  
меня всесильный,  
какую прикажет  
карь вынести, —  
695 прежде надо было беречься, —  
обречь меня может  
господня воля

теперь по океанским  
путям скитаться,  
но не столь обширна,  
не столь глубока бездна,  
чтобы в небесном я усомнился,  
и в пекло преисподнее  
по господнему слову

600 я готов спуститься;  
не станет мне отрадой  
здесь никакое дело,  
когда мы государеву  
любовь утратили  
и вновь обрести не сможем.

Но голыми, нагими  
негоже нам вместе

стоять под небесами:

в лесу укроемся,  
605 в роще под деревьями».

И направились оба  
в тот лес зеленый,  
пошли, удрученные,

сели порознь,  
всесильного ожидая  
суда небодержца,  
уже не владея прежним  
благим богатством,  
от го~~е~~пода дарованным.

610 Травами они прикрыли  
чресла свои нагие,  
листвой древесной:  
неизвестны им были ткани,  
но, ниц склоняясь,  
они совместно  
на рассветах взвывали  
к всевышнему владыке,  
дабы не забыл их  
бог всемогущий,  
615 дабы подал им  
добрый правитель  
совет, как жить им  
на этом свете.



для поэзии, которую столь тревожила тема непрочности всего сущего (см. прим. к элегиям).

<sup>28-29</sup> ...как нам сказания поведали... отмечали в писаниях... — Типичная для средневековой литературы ссылка на авторитет.

<sup>30-31</sup> ...над миром вздыхается... над любой вершиной... — Ср. у Лактанция: «но земля эта возвышается над нашими горами на дважды шесть мер» (*Per bis sex ulnas*).

<sup>34</sup> ...леса эти солнечны... — У Лактанция более определенно: «это роща Солнца». В латинской поэме здесь и там встречаются отголоски солярного мифа, и о самом Фениксе сказано, что он «повинуется и служит Фебу как наиславнейший его слуга».

<sup>39-40</sup> ...и до века безжалостный огонь ее не погубит... — Все, что осталось от упоминания в латинской поэме «пламени Фаэтона», которое, спалив небо, не коснулось этой земли.

<sup>41-47</sup> ...море когда-то ... берега эти берегущего... — У Лактанция: «когда поток залил землю волнами, она поднялась над водами Девкалиона (*Deucalioneas exsuperavit aquas*)». Среди христиан была более распространена легенда, что земной рай, устроенный богом для первых людей, был смыт потопом.

<sup>47-49</sup> ...покуда огонь не грянет... тогда отверзнутся. — Пределом для этой земли, как и для всего земного мира, будет Страшный Суд, который настанет в конце времени (ср. также ст. 83—84).

<sup>66-71</sup> ...единожды в месяц... по кущам изобильным... — Ср. у Лактанция: «в середине (земли) расположена источник, который называют живым источником. Он чист, ласков и полон сладостных вод. Он изливается единожды в месяц, орошая двенадцать раз в году всю рощу струями».

### ГРЕХОПАДЕНИЕ

Под таким названием публикуется перевод знаменных в истории германской филологии строк 235—851 (в нашем переводе они нумеруются с 1 ст.) стихотворной «Книги Бытия» — первой из четырех поэм, составляющих «*Codex Junius*» и в течение долгого времени приписывавшихся Кэдмону (см. прим. к «Гимну Кэдмона»). Своей

## *Приложения*

---

самобытностью (остальная часть «Книги Бытия» представляет собой просторечный пересказ канонического библейского текста), необычайной художественной яркостью, а также рядом формальных особенностей — стихотворных и языковых — этот отрывок давно привлекал к себе внимание исследователей. Еще в 1826 г. было высказано предположение (Copebeare), что он представляет собой интерполяцию в основном тексте «Книги Бытия» части другой самостоятельной поэмы. Теория интерполяций на сей раз получила блестящее подтверждение. В 1875 г. Э. Сиверс посвятил строкам 235—851 специальную работу (*Sievers E. Der Heliand und die angelsächsische Genesis. Halle, 1875*). Обратив внимание на далеко идущее сходство языка отрывка (необычная для древнеанглийской поэзии лексика) и его стиха (беспорядочное чередование нормальных аллитерационных строк с гиперметрическими), Сиверс выразил убеждение, что строки 235—851 являются поздним (Х в.) переводом неизвестной древнесаксонской поэмы, автора которой Сиверс счел возможным отождествить с автором древнесаксонской поэмы VIII в. «Хелианд». В 1894 г. произошло знаменательное событие: в библиотеке Ватикана был обнаружен, вместе с двумя другими фрагментами, фрагмент древнесаксонской рукописи, содержащей текст, за 19 лет до этого реконструированный Сиверсом (25 строк, соответствующих строкам 791—817 древнеанглийской «Книги Бытия»). Ввиду большого сходства между древнесаксонским и древнеанглийским языками (особенно в поэзии), оба текста, обозначаемые по традиции как «оригинал» и «перевод», относятся друг к другу скорее как разнодialectные варианты: большинство строк различаются лишь фонетикой и морфологией слов, изменения, вносимые англосаксонским переводчиком, ничем не отличаются по существу от вариантов, возникающих при переписке (ср. с. 207 наст. изд.). Нахodka не устранила всех текстологических трудностей, связанных с древнеанглийским текстом: до сих пор, в частности, неизвестно, представляет ли он законченную поэму, частично совпадающую с известной по трем фрагментам древнесаксонской поэмой, или относительно самостоятельную часть произведения большего объема. Стало, однако, несомненным, что тематическое единство поэм, составляющих «Codex

*Junius*, не дает основания для атрибуции их одному автору и не исключает значительного хронологического разрыва между ними. С этого времени за интерполированными строками «Книги Бытия» в науке закрепилось название «*Genesis B*», или «*The later Genesis*». Последнее название оправдывается предположительной датировкой древнеанглийского текста (X в.). Но древнесаксонский оригинал восходит, по всей видимости, к значительно более ранней эпохе (VIII в.), отражая влияние на саксонскую христианскую поэзию традиции, процветающей в эту эпоху в Англии. Тем самым (парадокс развития традиции!) вместе с «Поздней книгой Бытия» в Англию вернулись некоторые черты «раннего» эпического стиля (ср. с. 181 наст. изд.).

Открытие Сиверса вновь привлекло внимание к другой, имеющей долгую историю, проблеме, связанной с данным памятником. В «Грехопадении» видят иногда один из основных источников «Потерянного рая» Мильтона. Отмечают множество текстуальных совпадений (ср. прим. к ст. 45—46, 75—93, 104—121 перевода) и большое композиционное сходство обоих произведений, которые с равным правом могли бы именоваться «Потерянным Раем». Хронологическое взаимодействие их судеб делает эти черты сходства особенно примечательными. «Потерянный Рай» был опубликован в 1667 г., т. е. через 12 лет после того, как увидел свет в Амстердаме *Codex Junius* (см. прим. к «Гимну Кэдмона»). Нет ничего невероятного в том, что Мильтон узнал содержание поэмы от Юниуса, долгое время жившего в Англии. Эта привлекательная гипотеза, однако, недоказуема. Разительное сходство обоих произведений может объясняться и тем, что оба они, несмотря на разделяющие их столетия, основывались на общих, недостаточно известных современным исследователям, источниках. Указывают на один из таких источников — латинскую поэму венского епископа Авита (*Avitus*, сер. V в.) «*De Mosaicae Historiae Gestis Libri Quinque*», упоминаемую таким автором раннего средневековья, как Алкуин и, с другой стороны, известную по нескольким изданиям XVI—XVII вв. Как бы ни решался вопрос об историко-литературной связи обоих поэм, остается несомненным: среди предшествующих «Потерянному Райю» произведе-

## Приложения

---

ний на данный сюжет нет ни одного, которое было бы более достойно сравнения с поэмой Мильтона, чем эта затерянная в англосаксонской рукописи и лишь недавно оцененная по достоинству поэма.

Вопрос об источниках «Грехопадения», несмотря на значительную посвященную ему литературу, остается весьма запутанным. Множество нитей связывает этот памятник с современной ему традицией, но наиболее интересные его черты не находят параллелей, побуждая исследователей говорить об авторе «Грехопадения» как о редкостно самобытном и оригинальном поэте (ср. Timmer B. J. *The later Genesis*. Oxford, 1948, p. 47—48).

«Грехопадение» принадлежит традиции, почти не отраженной в канонической библейской Книге Бытия. Змей, соблазнивший Еву, не отождествляется в Библии с Сатаной (Быт., гл. III), да и сам Сатана, упоминаемый в связи с грехопадением в основном в поздних книгах Библии — у пророков (ср. Премудр. Солом. 2, 24) и в Новом Завете (ср. 2 Петр. 2, 4; Иуд. 1, 6; Откр. 12, 7—9; 20, 2), имеет здесь еще мало общего с образом, сложившимся в средневековой европейской традиции. Создание легенды о восстании ангелов и связанной с нею легенды о грехопадении человека отчасти прослеживается по апокрифической литературе (Книга Еноха, Книга Адама и Евы), находя завершение в сочинениях отцов церкви, где легенда становится составной частью доктрины, а также в более поздних эзегетических комментариях на Шестоднев («Нехаемерон»). Комментарии эти, целью которых мыслилось раскрытие сокровенного смысла Священного Писания, на деле передко несли на себе печать собственного творчества их авторов (см.: Майоров Г. Г. *Формирование средневековой философии: латинская патристика*. М., 1979, с. 35 след.). В западной церкви они восходят к блаженному Августину, особенно его «De civitate Dei» («О граде божьем»). Но древнерусская поэма едва ли прямо сообщается с патристикой или такими высокоучеными богословскими трактатами, как «Нехаемерон» Бэды Достопочтенного. Более вероятно, что между теологическими комментариями, в которых выкристаллизировалась официальная версия грехопадения, и драматическим повествованием поэмы из Кодекса Юниуса были и сыгравшие роль связую-

щего звена сочинения, авторы которых искали путей к сближению августинской доктрины с представлениями новообращенных христиан в германских странах. Еще дальше могла зайти популяризация учения церкви в устных проповедях на Шестоднев, обращенных к непросвещенной пастве. Если о последних нам ничего не известно, то попытки приспособить доктрину к понятиям читателей несомненны у таких авторов, как Алкуин. В сочинении «*Interrogationes et responsiones in Genesis*» ответы на расспросы германца по имени Сигевульф позволяют Алкуину соединить неясные, а иногда и способные привести верующего в смущение фразы Писания в связное «эпическое» повествование. Сигевульф интересуется прежде всего мотивами поступков, что дает право Дж. Эвансу заметить: «вопросы Сигевульфа вполне естественно пришли бы на ум аудитории, усвоившей себе понятия германского эпоса» (*Evans J. M. Genesis B and its Background. — Review of English Studies, vol. 14, 1963, p. 4*). Так, он спрашивает, с какой целью были посажены в райском саду древо жизни и древо познания (ср. прим. к ст. 226—264 «Грехопадения»); отчего дьявол относится враждебно к человеку (ср. прим. к ст. 122—207); почему Ева поверила Змею (ср. прим. к ст. 314—315). В стихотворном «Грехопадении», однако, мотивы поступков персонажей трактуются сплошь да рядом совершенно иначе, чем толкует их Алкуин, верный ортодоксальному учению церкви. Некоторый дополнительный свет на поэму проливает литературная традиция эпохи — латинские поэмы IV—VI вв. Среди сочинений, имеющих точки соприкосновения с «Грехопадением» (сочинения Драконтия, Киприана Галльского и других авторов), особенно выделяют (впервые у Сиверса) уже упомянутую поэму венского епископа Авита (ср. ниже в прим.).

Большую роль для правильного понимания самобытности «Грехопадения» сыграли исследования последних десятилетий, в которых выясняется связь поэмы с традицией германского героического эпоса: *Evans J. M. Op. cit.; Idem. Paradise lost and the Genesis tradition. Oxford, 1968; Woolf R. E. The devil in Old English poetry. — Review of English Studies (New Series), vol. 4, N. 13, p. 1—12; Cherniss M. Op. cit., p. 151—170.*

## Приложения

---

Настоящий перевод выполнен в основном по изданию: Behagel O. Der Heliand und die angelsächsische Genesis. Halle, 1910, p. 211—234.

<sup>1-2</sup> «...и от прочего вкушайте... поганых плодов бегите...» — Этими словами бог запрещает Адаму и Еве есть плоды древа смерти; последнее занимает в «Грехопадении» место библейского древа познания добра и зла. Ср.: «а от древа познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт., 1, 17). См. подробнее прим. к ст. 226 след.

<sup>12-13</sup> Государь-всевладетель... мановением десницы... — Неожиданное, но встречающееся в древнеанглийском эпосе (ср. рассказ о происхождении Гренделя в ст. 106 след. «Беовульфа») нарушение временной последовательности повествования. Как явствует из дальнейшего текста (ср. ст. 161), поэт относит сотворение ангелов и их падение в согласии с современным ему учением церкви к временам, предшествующим созданию человека и видимого мира. В ранней патристике вопрос о том, что произошло прежде — сотворение человека или отпадение ангелов — не считался решенным. Существовало мнение (Татиан, Юстин Мученик), что низвержение Сатаны в ад — наказание за искушение человека.

<sup>12</sup> ...десять ангельских родов... — Привычное англосаксам понятие «род» (сун) подставлено здесь на место ангельских иерархий. Отцы церкви учили (впервые у Псевдо-Дионисия), что ангелы принадлежат к трем иерархиям, которые, в свою очередь, подразделяются на три чина: Серафимы, Херувимы, Престолы; Господства, Силы, Власти; Начала, Архангелы, Ангелы.

<sup>17</sup> ...своими дланями плоть их вылепил... — Существа потустороннего мира представляются поэту вполне материальными. В древнеанглийской поэме не может найтись места для теологического спора о том, имеют ли ангелы эфирные тела или они совсем бестелесны.

<sup>23-24</sup> ...благодарностью, как должно... тогда бы служил он дольше... — Тема служения господину одна из центральных в поэме. Небесное воинство всюду приравнивается к дружине вождя или (если учесть «феодализированную» саксонскую лексику) к вассалам (ср. далее ст. 36—37, 50—53 и др.). Отплачивать верностью за

дары, полученные от господина — первыйший долг дружинника (ср. «Битву в Финнсбурге», ст. 40—41).

<sup>39</sup> ...выше поставит престол на небе... — Так же в ст. 47. Это место в тексте может быть понято двояко: 1) поставит более высокий престол или 2) поставит престол более высоко на небе. Второе понимание соответствует Авitu, у которого сказано: «Я буду зваться богом и построю себе вечный престол выше всех небес, как Всевышний» (цитаты из Авита приводятся по изданию: Allen-Calder, p. 5 ff.).

<sup>40—42</sup> ...что не прочь он и север.. себе обитель... — В теологической космогонии сторонам света приписывалось различное символическое значение. Запад мог, например, символизировать будущее. Здесь север и запад, судя по всему, противостоят юго-востоку, где восседает на престоле Господь (ср. напр. ст. 432).

<sup>44—45</sup> ...«зачем труждаться? ... ходить под господином»... — Ср. знаменитые слова мильтоновского Сатаны: «Лучше быть Владыкой Ада, чем слугою неба» (Потерянный Рай, I, 263; здесь и ниже перевод А. А. Штейнберга: Джон Миль顿. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-боец/ Биб-ка всемирной литературы. М., 1976).

<sup>60—63</sup> ...наказанияслушник не избегнул... ссориться с государем... — Господь и карает послушников как земные государи, которых он превосходит прежде всего своим могуществом. Низвержение восставших ангелов в ад равносильно, по германским понятиям, объявлению вне закона и изгнанию.

<sup>73</sup> ...три дня и три ночи... — Ср. наглядность этого описания с космическими мерами Мильтона, ад у которого находится «...втрое дальше от лучей Небес / И Господа, чем самый дальний полюс / От центра мирозданья отстоит» (I, 72—74).

<sup>75—93</sup> ...и за это в предел бессветный... послуживать всевластному богу. — Ад и адские муки также трактуются здесь в сугубо земных образах, что не лишает, однако, эти образы символической значимости. Изображение преисподней как «темного пекла» (ср. у Мильтона: «...как в печи, пылал огонь, / Но не светил, и видимою тьмой/. Вернее был...»), где «с вечера мученья вечно дятся», не отступает от традиций средневековой христианской литературы; ср.: Гуревич А. Я. Западноевро-

## Приложения

---

пейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков. — Труды по знаковым системам, VIII/ Уч. зап. Тартуского Гос. у-та, вып. 411. Тарту, 1977, с. 3—27. Вместе с тем оно напоминает эпические картины того необитаемого мира, который служит прибежищем для отверженцев и изгнанников (ср. знаменитый пейзаж в «Беовульфе», ст. 1358 след.: см. об этом также с. 226 наст. изд.).

<sup>104—121</sup> *И вскричал он ... и вскричал он такое слово... — Для стиля «Грехопадения» характерны постоянные возвраты к одним и тем же центральным в поэме темам; см.: Britton G. C. Repetition and contrast in the Old English later Genesis. — Neophilologus, vol. 58, N 1, p. 66—73.*

<sup>122—207</sup> *Это тесное место ... и ему ненавистны стали. За ораторским пафосом этого замечательного монолога прощупываются связи с различными — нередко взаимоисключающими — темами англосаксонской поэзии. Начало речи Сатаны построено на элегических стереотипах (ср. ст. 137 след.), но постепенно пафос изгнанника сменяется пафосом вождя, воодушевляющего дружинников и сулящего им место у своего престола (в аду!), ср. ст. 204. Возгордившись и нарушив обеты верности, Сатана уподобляется взбунтовавшемуся вассалу; вместе с тем он расчитывает на верность своих собственных всинов (ст. 179 след.). Свою завистью к людям, пользуясь земными благами, он напоминает Гренделя, прислушивающегося к звукам арфы в пиршественном зале («Беовульф», ст. 86 след.), а коварством — лжесоветчиков германского эпоса (ср. в прим. к ст. «Видсида» о Бикки). Вместе с тем этот монолог находит близкую параллель у Авига: «Горе мне! Вот такое-то существо было воззвано надо мною, мое падение вызвало к жизни сие ненавистное племя. Смелостью я некогда возвысился, теперь же, увы, я отвержен и изгнан... Одно утешение остается мне в моем падении — знать, что если я не могу вновь подняться в запретные для меня небеса, то они запретны и для Адама с Евой». Отсюда может брать истоки и сходство с Мильтоном (ср. речи Сатаны в I кн. «Потерянного Рая»).*

<sup>136</sup> *...краткий зимний час. — См. прим. к ст. 37 «Плача жены».*

<sup>183</sup> ...крылья... — В оригинале слово *fēðerhamta* (букв. «покров из перьев»), точное соответствие др. исл. *fjáðrhamr*. Так обозначаются в скандинавских сказаниях чудесные крылья Вёлунда (в «Саге о Тидреке», см. прим. к ст. 1—14 «Деора») и те, принадлежащие Фрейе, крылья, с помощью которых летал злоказненный ас Локи (см. напр. эддическую «Песнь о Грюме»).

<sup>208</sup> ...богопротивник... — Лакуна перед этой строкой мешает заметить, что все последующее изложение относится уже не к Сатане, а к некоему его посланцу, которому отводится в дальнейшем главная роль искусителя. Появление посланца согласуется с последними словами речи Сатаны, но при этом оно находится в прямом противоречии со всеми известными версиями грехопадения, где Сатана действует без подручных. Этот решительный шаг в изменении легенды можно отчасти объяснить стремлением автора к правдоподобию: изобразив Сатану в оковах (образ, вероятно навеянный популярной в средние века легендой о сошествии Христа в ад; ср. прим. к «Видению креста»), поэт не оставляет для него возможности покинуть ад и осуществить задуманную месть самому. Достойно внимания, однако, что посланец в дальнейшем повествовании изображается совершенно в тех же словах, что и сам Сатана («враг могучий», «диавол», «герой злымыслый», «враг небесного владыки» и т. д.), надеялся его красноречием. Лишь в конце поэмы (ср. ст. 490 след.) автор считает нужным напомнить, что искуситель лишь выполняет волю пославшего его хозяина (ср. также с. 228 наст. изд.).

<sup>208—211</sup> *Тут изгото́вил... накрепко пристегнул...* — Требуемое эпической темой (выступление воина в поход) описание не сообразуется с дальнейшим повествованием: искусителю не требуется никакого оружия, кроме «диявольской хитрости». *Шлем-невидимка* — сказочная подробность, встречающаяся в «Ките» (также в описании Сатаны, ср. ст. 45).

<sup>226—254</sup> *Тут же выселись два древа... человеку на вечное время.* — Библейские древо жизни и древо познания добра и зла претерпели здесь примечательную метаморфозу. В Библии два дерева не противопоставлены друг другу, и нет речи о необходимости выбора одного из них. Напротив, судя по тексту (Быт. 3, 32), оба они

## Приложения

---

запретны для человека: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал, как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусила, и не стал жить вечно». С другой стороны, древо познания добра и зла в Библии не уступает красотой всему, сотворенному богом в Раю и содеожит лишь скрытую пагубу для человека (Быт. 2, 9). Отрывочные и двусмысленные намеки Писания сведены поэтом к не допускающей интолкований альтернативе: от человека зависит выбор между жизнью (приравниваемой к добру, свету) и смертью (=зло, тьма). На контрастах строится вся образная система поэмы, поляризующей мироздание (см. Britton G. C. Op. cit.).

256—257 ...на древо смерти ... злокозненный диавол... — Из текста поэмы нельзя установить, в каком же обличье разговаривал посланец Сатаны с Адамом и Евой. Из одних строк как будто следует, что он так и оставался «змеем кольчатым» в соответствии с текстом Писания (Быт. 3, 1), и именно это смущило Адама («Даже видом ты не подобен/ чистым ангелам», ст. 303—304); в таком случае слова Евы о прекрасном облике божьего посланца и великолепии его одежд (ст. 421—422) должны объясняться наваждением, мороком, равно как и уверенья ее в том, что плоды с древа смерти «отрадны для утробы» (ст. 421). Но другие места побуждают думать, что посланец «перекинулся змеем» лишь для того, чтобы достать плод с дерева, а к человеку явился в обличье, внушающем больше доверия (ср. ст. 348 след.). Скорее всего, полной ясности на этот счет не было и у аудитории поэта, а может быть и у него самого: показательно, что в рукописи «Codex Junius» соблазнитель дважды изображен в виде змея, а в остальных случаях — в виде ангела (ср. по этому поводу: Robinson F. N. A note on the source of the Old Saxon Genesis. — Modern Philology, vol. 4, p. 389—396). Любопытно отметить в связи с этим, что слово *wurm* обладало очень широким значением: так называются червяк (ср. совр. англ. *worm*), змея; но этим же словом обозначается и крылатое чудовище — дракон (напр. дракон в «Беовульфе»), «Змей Горыныч» англосаксонской поэзии.

<sup>261—262</sup> «Чего ты хотел бы ныне, Адам, от небодержца?» — В противоречии с Писанием, дьявол является сперва к Адаму. Этот мотив встречается и в более поздних средневековых мистериях. Примечательная черта дьявольской тактики: искуситель играет не на слабых струнах человека — его тщеславии, корыстолюбии, непокорстве, но на его чувстве долга и желании выказать верность богу. Как заметил один из исследователей поэмы, вся она — о том, что «путь в ад вымощен добрыми намерениями». Церковь также учила, что вина человека не столь тяжка, как вина Сатаны, ибо «ангел своею волей учинил преступление, а человек был введен в заблуждение» (*Alcuin. Interrogationes ... IV*).

<sup>314—315</sup> ...он сказал, что великие беды ее потомкам тут уготованы... — В разговоре с Евой дьявол применяет еще более действенные средства: угрожает божьей карой ее потомкам и послушнику — Адаму. По германским представлениям, желая быть советчицей мужа, Ева лишь выполняла свой долг (ср. прим. к «Гномическим стихам», ст. 12); древние заповеди героической поэзии здесь снова конфликтуют с учением церкви (ср. 2 Тимоф. 2, 12: «а учить жене не позволяю ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии»).

<sup>360—363</sup> ...дивно и непостижимо... жаждавших правды. — Чистосердечное сочувствие к людям и изумление перед непостижимостью промысла божьего с особенной силой прорывается в этом восклицании.

<sup>368</sup> ...показались ей светозарней земь и небо. — О видении Евы упоминается и у церковных авторов. Существовало мнение (*Cyprianus Gallus. Heptateuchos*; на Киприана есть ссылки у Бэды, Алкуина и Альдхельма), что жизнь Адама и Евы в раю длилась лишь сутки; Сатана является к Еве в предрассветные часы и обещает ей возвращение света. Неясно, существует ли связь между этим толкованием и тем, что божий престол, открывшийся Еве, помещен в поэме на юго-востоке (ст. 432). См. о видении Евы: *Vickery J. E. The vision of Eve in Genesis B. Speculum*, vol. 44, 1969, p. 86—102.

<sup>489—491</sup> ...взвеселился посланный... воздал благодарностью... — Эти торжествующие речи посланца возвращают читателя к монологу Сатаны в начале поэмы, повторяя его основные темы и образы. Если «Грехопаде-

## **Приложения**

---

ние» и является отрывком не дошедшей до нас поэмы, то следует признать, что этот отрывок обладает композиционной стройностью целого.

542—548 ...и просили, ниц павши ... они провинились. — Самоунижение человека и готовность его к любым карам акцентируются в поэме сильнее, чем в других известных произведениях о грехопадении (ср. Allen—Calder, р. 4). «Светозарное видение» Евы быстро сменяется видением «наихудшего царства» — геенны, поджидающей человека.

595—597 ...обречь меня может... путям скитаться... — Адам предвидит для себя и участь изгнанника, ставшую основной темой элегий.

### **БИТВА ПРИ БРУНАНБУРГЕ**

Эти стихи, воспевающие громкую победу англичан над объединенными силами скотов и викингов, записаны в Англосаксонской хронике под годом 937. В Хронике этого периода (сер. X—сер. XI в.) встречаются и другие версифицированные записи (напр. о коронации Эдгара в 973 г., о смерти Эдуарда Исповедника в 1065 г.), но «Битва при Брунанбурге» выделяется среди них своими художественными достоинствами. Назначение этого стихотворения двояко. С одной стороны, «Битва» занимает свое место в ряду других погодных записей «Хроники» и содержит насыщенное фактическими подробностями (личные имена, географические названия) сообщение о действительно имевшем место событии. Но в то же время это и «песнь триумфа» (Dobbie), панегирик английскому оружию, создавая который, поэт равнялся на образцы древней героической поэзии. Формальная сторона героической поэзии воспроизведена здесь с большим мастерством (хотя и не без некоторого налета «академизма»; an academic-laureate work — так назвал «Битву» У. Кер). Стих «Битвы» звенен и регулярен, поэтическая речь предельно насыщена формулами и украшена сложными словами, создаваемыми поэтом в соответствии с традиционными моделями. Жанровые особенности героических песней в «Битве», однако, не во всем выдержаны. «Сцены» и «речи» уступают в ней место всеобъемлющему panoramicому взгляду на события. Поле битвы, над которым солнце совершает